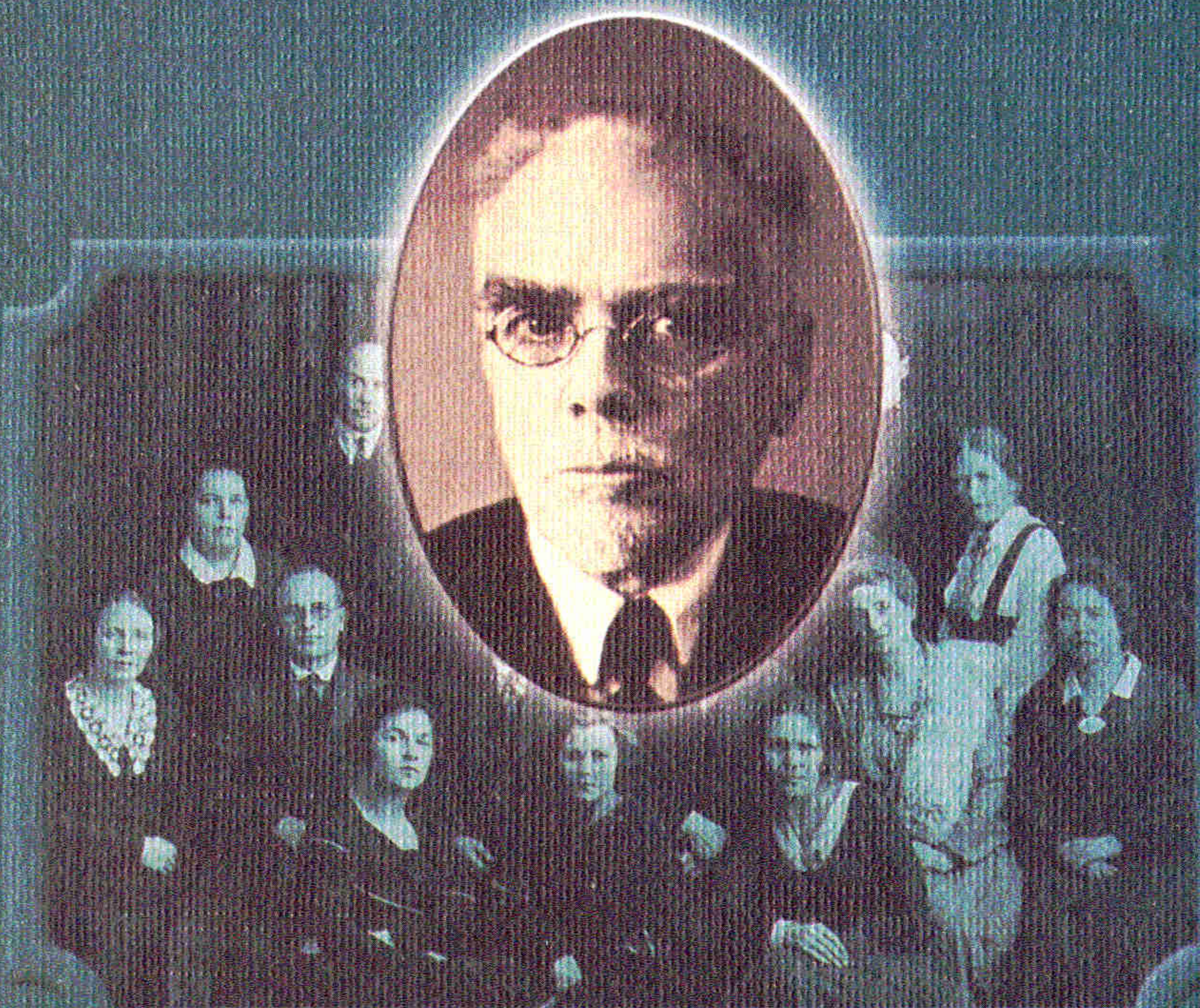

Лидия Мишланова

Всеволод
Прокопьевич
ПЕРВУШИН

Краеведческое издание

Мишланова Лидия Витальевна

«ВСЕВОЛОД ПРОКОПЬЕВИЧ ПЕРВУШИН»

Корректоры: *Н. Шабалина, Л. Голобокова*
Компьютерная верстка *И. Поляков*

Отпечатано в ООО «Типография «Лазурь».
Бумага ВХИ. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 1,5.
Тираж 750 экз. Заказ № 3296.

Мишланова Л. В. М71
«Всеволод Прокопьевич Первушин»

Лидия Мишланова

Андрею
Гавриловичу
Зиновьеву
с пожеланиями
успехов
автора.
Лидия
23.06.09

Всеволод Прокопьевич Первушин

Пермь, 2009

УДК 61(092)
ББК 5г(2Р)д
М71

Издание осуществлено благодаря
финансовой поддержке
Комитета по культуре администрации г. Перми
(председатель Л. Н. Федорова)

Всеволод Прокопьевич Первушин (1869–1954) – один из самых замечательных людей Пермского края. Уроженец Перми, воспитанник Казанского университета, он создал первую на Урале научную школу неврологии. 57 лет честно, преданно, талантливо Всеволод Прокопьевич служил медицине, был прекрасным педагогом и неутомимым общественным деятелем, стал основателем династии профессоров-медиков. Проведя краеведческий и журналистский поиск, автор очерка Л. В. Мишланова не только рассказывает о многогранной деятельности В. П. Первушина, но и раскрывает былую тайну семьи пермского профессора, связанную с удивительной судьбой старшего сына Николая Всеволодовича. Для широкого круга читателей.

Автор выражает искреннюю благодарность профессору А. А. Шутову, доценту Л. В. Пустохановой, а также друзьям и коллегам Т. И. Быстрых, Н. Н. Куликовой, В. М. Ширинкину и дочери Ольге за помощь в поисковой работе.

© Мишланова Л. В., 2009

В начале 20-х годов прошедшего столетия ректором молодого Пермского университета мог стать Всеволод Прокопьевич Первушин. Дважды просили его занять этот пост. И в 1923-м, и в 1924-м году на собраниях профессоров и преподавателей университета он получал большинство голосов. И оба раза он решительно отказывался, выдвигая одну и ту же причину: недостаток времени. Тем не менее, в декабре 1924-го Всеволода Прокопьевича избрали членом правления, заместителем ректора и заведующим научно-учебной частью университета, и эту, весьма хлопотную и не такую видную должность, он прекрасно исполнял два с половиной года.

Среди отцов-основателей Пермского университета было на редкость много больших ученых, много ярких личностей. Почему же ректором хотели видеть именно профессора Первушина? Кто он? И чем конкретно объяснялось его нежелание быть первым лицом вуза?

Всеволод Прокопьевич родился в Перми 27 ноября 1869 года, как писал он сам, «в трудовой, интеллигентной семье», уточняя, что отец был ревизором губернской Контрольной палаты. Во времена молодости Всеволода Первушина университета на Урале не было, и пытливые юноши, стремящиеся к наукам, ехали в Казань. Вот и он, окончив с золотой медалью Пермскую классическую гимназию, в том же 1888 году поступил на физико-математический факультет Казанского университета. Перед глазами был пример: дядя Иван Михеевич Первушин, хотя и служил сельским священником, но был одновременно известным русским математиком, членом Парижской академии наук. Однако другой дядя – Михаил Михеевич Первушин – нашел призвание в ином: он посвятил годы довольно еще новому и чрезвычайно полезному делу – оспопри-

**Профессор Л. О. Даркшевич – учитель В. П. Первушина.
Казань, начало XX века.**

виванию населения. Влечение к медицине оказалось сильнее и у племянника, который уже на следующий год перевелся на медицинский факультет.

«Мой дядя, лекарь честных правил, Меня в дни юности моей Науку полюбить заставил...» Нет, так, подражая Пушки-

ну, писал не Всеволод Первушин, а другой бывший студент Казанского университета – Дмитрий Калиновский. Он учился там значительно позже, лет двадцать спустя, но застал еще кое-кого из профессоров, чьи лекции слушал его старший коллега. Они оба вспоминали о своих наставниках с почтением и обожанием, только Всеволод Прокопьевич в свойственном ему сдержанном стиле автобиографического очерка, а Дмитрий Алексеевич – эмоциональными строчками полушутливой поэмы.

Например: «Вот давней мудростью согбенный, Миславский к кафедре бредет, Ученой свитой окруженный, Он речи длинные ведет Над лапкой трепетной лягушки Под ток Румкорфовой катушки».

Или: «Внизу Фаворский сухорукий, С готовой желчью на устах, На нервных центрах и путях Нам причинял большие муки, В своих сужденьях сух и строг, Он был прекрасный педагог».

Впрочем, что касается А. В. Фаворского, то во времена молодости Первушина, будущий профессор еще тоже был студентом, и оба они увлеченно занимались наукой под руководством замечательного невропатолога, ученого и клинициста Ливерия Осиповича Даркшевича.

Федор Иванович Шаляпин, описывая Казань того времени, называл излюбленными местами отдыха студентов Панаевский сад и озеро Кабан, где молодежь каталась с барышнями на лодках. Возможно, Всеволод Первушин тоже бывал там.

И все-таки он и в юные годы представляется очень серьезным, увлеченным наукой, до бесконечности трудолюбивым и ответственным. В годы студенчества по летам, как пишет в своем биографическом очерке Всеволод Прокопьевич, ради приобретения практических навыков, он препарировал трупы в анатомическом покое Пермской губернской больницы (1890 и 1891 гг.). Работал в тюремной аптеке. В 1892 году – в хирургическом, терапевтическом, акушерско-гинекологическом отделениях и холерном бараке Пензенской губернской больни-

Всеволод Прокопьевич Перушин. Казань, 1920 г.

цы (в Пензу по службе переводили отца). Стипендию – 300 рублей в год – он получал от Пермского земства и позже, будучи врачом, полностью ее выплатил.

Летом 1893 года земство призвало своего стипендиата, который к тому времени стал уже пятикурсником, на борьбу с холерной эпидемией. С мая по сентябрь он провел в Чердыни помощником врача, организовал «холерный» барак в селе Серегове, а при уездной земской больнице небольшую лаборато-

рию и сам произвел несколько анализов воды из реки Колвы. Получал жалованье – 150 рублей в месяц.

Делом своей жизни Всеволод Прокопьевич избрал, возможно, самое сложное в медицине – изучение и лечение болезней нервной системы. Как пишут ученые, нервная система управляет всеми другими системами организма, обеспечивает его единство и взаимоотношение с окружающим миром. Нервная система – это основа личности человека, она определяет его интеллектуальную и эмоциональную сущность, всю его жизнедеятельность.

Первушина так увлекла избранная специальность, что он рад был, окончив в 1894 году университет с отличием, получить приглашение профессора Даркшевича остаться в клинике нервных болезней даже в качестве сверхштатного ординатора, то есть трудился какое-то время без вознаграждения.

Здесь, в Казани, за четверть века Всеволод Прокопьевич прошел почти все ступени роста: начинал лаборантом, был ординатором, долгие годы ассистентом, затем приват-доцентом. В 1899 году в Казани состоялся VII съезд Общества русских врачей в память Пирогова, и молодой ученый В. П. Первушин на одном из заседаний доложил свои наблюдения над неизвестным до тех пор заболеванием крестьян Казанской губернии, которое он назвал тогда «прогрессирующей формой неврита плечевого сплетения». На самом деле, это был весенне-летний клещевой энцефалит, что стало понятно Первушину спустя сорок лет в Перми, где он наблюдал то же самое заболевание. Он вспоминал тогда свою давнюю работу и говорил о ней. И впоследствии один из его учеников, профессор Новосибирского мединститута А. П. Иерусалимский напишет: «Общепризнано, что это одно из первых упоминаний о клещевом энцефалите в медицинской литературе».

В 1904 году в Казани вышел трехтомный «Курс нервных болезней» Л. О. Даркшевича – первое отечественное много-томное руководство по неврологии. Так вот, в предисловии ав-

тор написал: «Я искренне благодарю ассистента клиники В. П. Первушина: его специальные работы по ряду клинических вопросов, равным образом и труды в помощь мне при изготовлении к печати издания, много способствовали моему Курсу принять тот вид, в котором он появляется в свет». Это было уважительное признание Учителя, публично оценившего большой вклад Ученика в их общее дело. Много ли мы знаем профессоров, которые вот так благодарят своих ассистентов, пользуясь их трудами?

В 1912 году в «Неврологическом вестнике» была опубликована большая работа В. П. Первушина «К учению о миопатии».

А за монографию «Polyomyelitis acuta anterior infantum» (речь об остром полиомиелите у детей – Л. М.) в мае 1918 года Всеволод Прокопьевич без защиты диссертации был удостоен ученой степени доктора медицины.

К концу своего казанского периода Первушин вел на медицинском факультете два приват-доцентских курса: «Методология клинического исследования нервной системы» и «Семiotика и диагностика нервных болезней».

Одновременно с работой в клинике нервных болезней Л. О. Даркшевич с 1896 года привлек его еще к одному делу: Первушин стал врачом первой в России, тогда только-только открытой, Казанской лечебницы для алкоголиков. Через пять лет профессор сможет полностью передать лечебницу в руки своего надежного ученика и последователя.

Это была новая, живая и очень трудная работа. Поначалу к врачу обращались немногие: алкоголизм не считался болезнью. Потом пошли не только казанские, но приезжали даже из Москвы, Тифлиса (Тбилиси), Выборга, из разных губерний, в том числе Пермской. С самого начала Всеволод Прокопьевич вел статистику и обнаружил, например, что по

Пермь, дом № 6 по ул. Большевистской, где в 1920-х – начале 1930-х гг. снимал квартиру профессор В. П. Первушин. Фото 2008 г.

роду предшествовавшей деятельности среди пациентов преобладают писмоводители и бухгалтеры, затем идут торговцы и приказчики, за ними люди духовного звания, ремесленники. Но, в общем, контингент был самый разнообразный, встречались музыкант и наборщик типографии, студент и офицер – алкоголь не щадит никого. «В большинстве случаев, – писал Первушин, – это были люди материально необеспеченные, часто совершенно неимущие». Их пристрастие к алкоголю он объяснял тяжелыми условиями жизни, своеобразными традициями среды, отсутствием разумных развлечений и стойких идей.

Л. О. Даркшевич и его единомышленник В. П. Первушин определяли алкоголизм как заболевание нервной системы и считали, что так же, как неврастения или, скажем, истерия, он требует продолжительного лечения для восстановления сил и нарушенных функций организма. Специальная больница

Коллектив кафедры нервных болезней. Пермь, 1925 г.
Во 2-м ряду (слева направо): Е. А. Балакшина (в кресле), В. Р. Овечкин, (?),
проф. В. П. Первушин, Н. В. Самович, А. А. Печёркин.
Стоит справа Д. Т. Куимов.

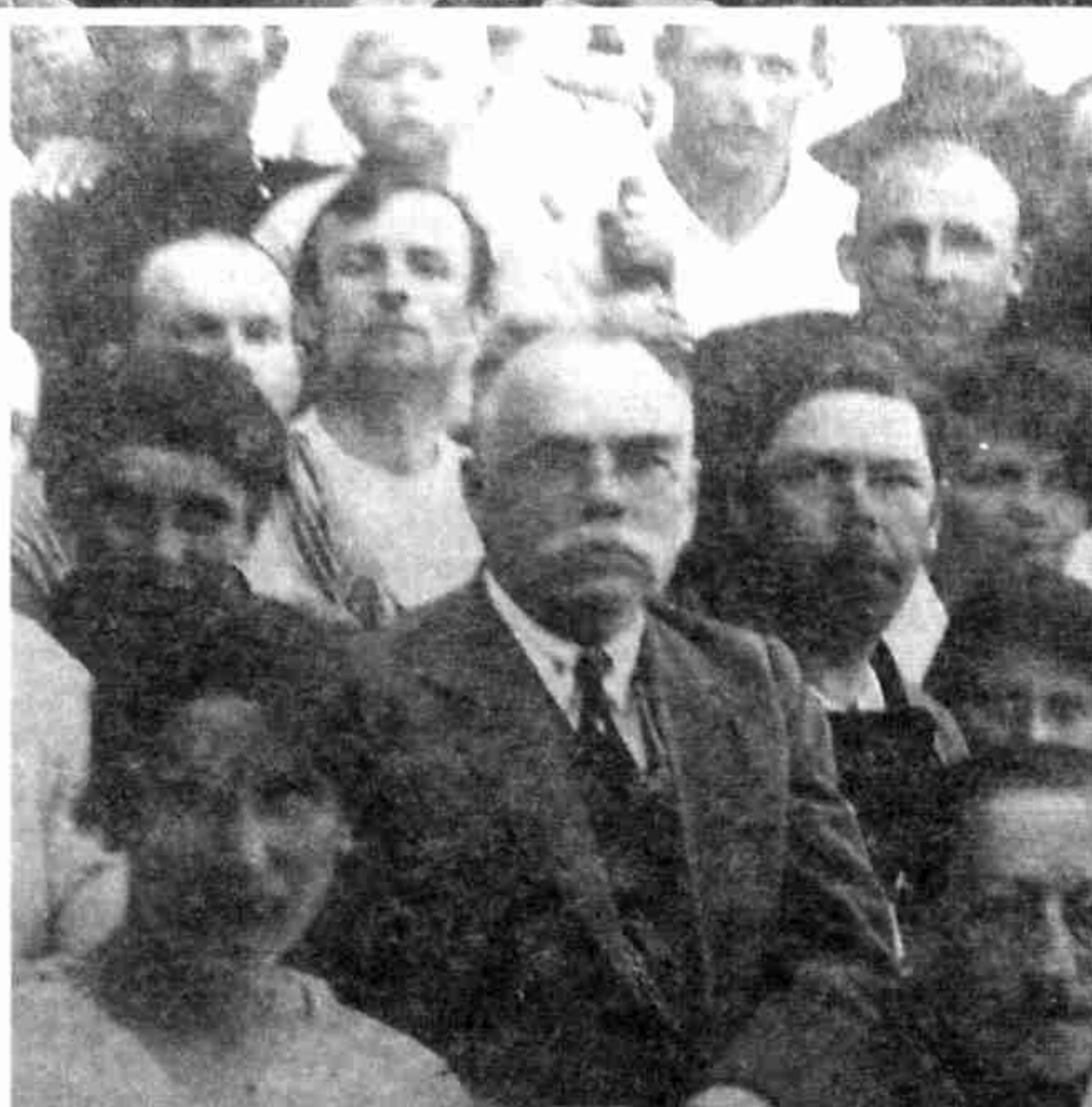
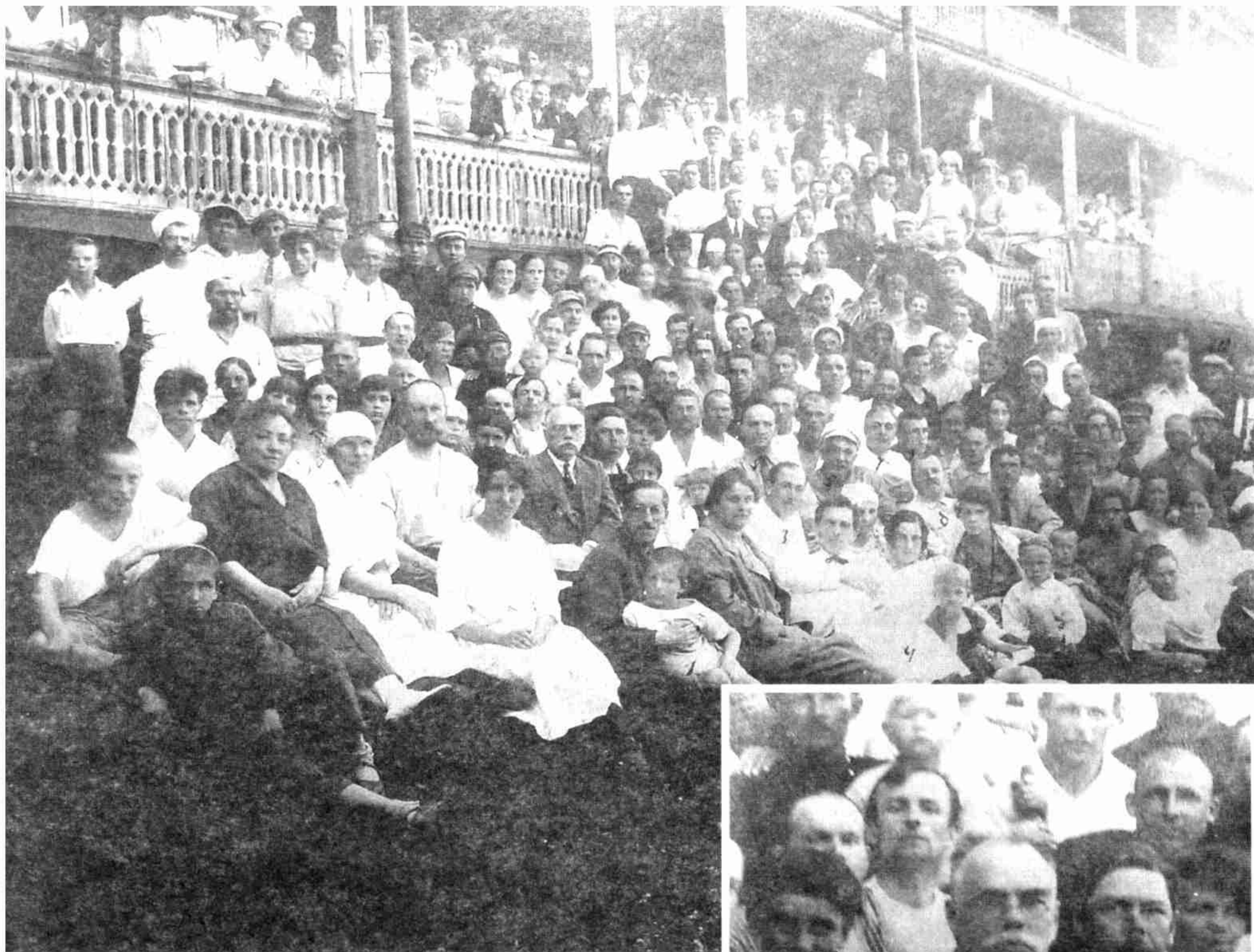
Казанского общества трезвости находилась на малолюдной городской окраине – за парком «Русская Швейцария», возле речки Казанки. В течение нескольких месяцев больные жили здесь в здоровой обстановке, полностью исключая употребление алкоголя. Штат больницы включал врача, фельдшера и двух работниц, одна из которых готовила пищу, другая мыла полы. Остальные дела должны были исполнять пациенты по мере улучшения своего состояния: убирать помещения, работать во дворе, в саду и на огороде. Чистый воздух, купанье в реке, физический труд способствовали укреплению организма и привычке к трезвому образу жизни. Правда, не все алкоголики хотели работать...

Но самое главное и трудное – внушить этим людям, что они могут и должны обходиться без алкоголя. Всеволод Про-

копьевич, обладавший сильной волей, владел способом гипнотического воздействия на психику больного. Но он предпочитал **внушение наяву**. «Этот последний прием, – писал он, – не легок, требует от врача ознакомления с больным, с миром его идей, его прошлым и т. д. Но, с другой стороны, этот прием более естествен, **не шаблонен** (каким иногда может оказаться обычное применение гипноза) и оказывает несомненный успех».

Результат зависел и от формы алкоголизма: привычное пьянство, которое чаще встречается в жизни, отмечал Первушин, легче поддается лечению, чем, например, тяжелый запой. Поэтому он настоятельно советовал больным при приближении запоя или в самом его начале сразу же обращаться к врачу. В Казани кроме лечебницы общество трезвости содержало и бесплатную амбулаторию.

Судя по годовым отчетам и другим публикациям Первушина этих лет, он достаточно хорошо представлял масштабы и причины пьянства в России. Он был наблюдателен, умён, а в своих удивительных путешествиях от села к селу, от города к городу (во время каникул дважды пешком (!) преодолел огромный путь от Казани до родной Перми) многое повидал и понял. Да и каждый пациент трагедией своей жизни и жизни своих близких представлял самый, что ни на есть, реальный материал для анализа и размышлений. Но при всей сложности проблемы Всеволод Прокопьевич верил в необходимость постоянной и упорной борьбы с пьянством. «Чем больше будет наноситься ударов этому вековому строю и традиционному отношению к спиртным напиткам., тем больше шансов для успеха, для установления трезвой и воздержной жизни», – писал он. Не признававший так называемого умеренного питья, он призывал учителей, врачей, священнослужителей, деятелей земства и прессы пропагандировать полное воздержание от спиртных напитков, оберегать от дурного влияния алкоголиков детей и юношество.

**Курорт «Курьи». 25 августа 1926 г.
Профессор В. П. Первушин среди
персонала и пациентов**

Десять лет отдал Всеволод Прокопьевич непосредственной помощи людям, попавшим в зависимость от зеленого змия. Он всесторонне исследовал проблему алкоголизма и стал в свое время известным специалистом в этом деле. К его мнению прислушивались: журнал «Русский врач» в № 16 за 1915 год опубликовал статью ассистента клиники нервных болезней Казанского университета В. П. Первушина «Необходимость Пироговского противуалкогольного съезда» – и в том же году в Москве было проведено такое совещание, созванное

Обществом русских врачей в память Н. И. Пирогова. Многие идеи Всеволода Прокопьевича, избранного в президиум товарищем председателя, были поддержаны коллегами.

Шла Первая мировая война. В России действовал «сухой закон», и, казалось бы, участники совещания должны были безоговорочно одобрить его. Но здесь собрались специалисты, которые понимали, что меры запретительные и ограничительные – лишь подходящая почва для наступления на пьянство. А главнейшая роль должна принадлежать мерам положительного характера – социальным, экономическим и культурным, «имеющим целью улучшение всей жизни и быта страны, условий труда, правового положения и просвещения населения». Доклад, сделанный Первушиным по итогам съезда, показывает, что он не был революционером, но прекрасно сознавал необходимость всесторонних перемен. Успешную борьбу с пьянством он связывал с такими понятиями, как «реформы», «самоуправление», «демократизация».

Однажды, разбирая библиотеку своего отца, сельского врача-хирурга и невропатолога, я нашла три тоненькие брошюры, изданные в самом начале XX века, автором которых был В. П. Первушин. Отец, по натуре добрый человек, всей душой ненавидел пьянство, он с негодованием рассказывал, что на фронте в Великую Отечественную войну были случаи, когда загул даже одного небольшого военачальника оборачивался смертельной опасностью и, бывало, приводил к гибели десятков и сотен людей. А как пили после войны, особенно инвалиды, вернувшиеся домой без рук, без ног, молодые ребята и отцы семейств! Да и во все времена, сколько горя и бед приносят народу пьяные традиции! В конце 40-х годов в районной больнице отец организовал палату для алкоголиков и их лечение. И, разумеется, изучал историю вопроса, теорию и практику этого очень непростого и, кажется, нескончаемого дела. Среди его союзников был и автор брошюр Всеволод Прокопьевич Первушин, который, кстати сказать, до конца своих

дней не прекращал борьбы с алкоголизмом, при этом сам подавал пример абсолютной трезвости.

Поражают разнообразие научных и общественных интересов В. П. Первушина, широта его неутомимой деятельности.

Среднее и высшее медицинское образование для женщин своим становлением и развитием в Поволжье во многом обязано Всеволоду Прокопьевичу. Он преподавал в женской фельдшерско-акушерской школе, в школах сестер милосердия, был одним из организаторов и руководителей женского медицинского института. Он стоял у истоков знаменитого Казанского института усовершенствования врачей, с самого начала возглавив там научно-учебную часть и клинику нервных болезней. Он же организовывал и оказывал медицинскую помощь городским рабочим, студентам университета, беженцам из Прибалтийского края... Был главврачом лазаретов Общества Красного Креста, работал консультантом в госпиталях в Первую мировую войну, ездил в командировки по уездам, участвуя в борьбе против туберкулеза, детской смертности, против холеры и испанки.

В разные годы ни одно медицинское объединение – будь то общество клинических врачей, младших преподавателей университета, научное общество невропатологов и психиатров или какое-либо другое – не обходилось без деятельного участия Первушина. В одном он был секретарем и казначеем, в другом – товарищем председателя, в третьем – председателем. Но если даже состоял только членом правления, все равно основная нагрузка – таково уж свойство инициативного и ответственного человека – приходилась на его долю. И неудивительно, что в 1917 году в революцию, когда и в университете возникали Советы, Всеволода Прокопьевича избрали членом Совета медицинского факультета, видимо, не заподозрив в нем сына служилого дворянина. И вплоть до отъезда в Пермь он состоял в этом Совете.

Мысли о родном городе, который он любил, все настойчивей посещали Всеволода Прокопьевича, особенно с тех пор, как здесь, на Урале, открылся первый государственный университет. Еще в 14-м году умер его отец, и мать оставалась в городе одна. В 17-м из Казани в Москву уехал любимый учитель Ливерий Осипович Даркшевич, вместо него профессором клиники нервных болезней и заведующим кафедрой был избран А. В. Фаворский. Однако мысли о возвращении в родной город не могли осуществиться, пока шла Гражданская война, пока университет в Перми не работал. И лишь в начале 20-х годов появилась, наконец, реальная возможность переезда: В. П. Первушина, известного к тому времени невропатолога, доктора медицины и общественного деятеля, пригласили в Пермский университет, предложив заведование кафедрой и должность директора клиники нервных болезней, которую еще предстояло организовать. Всеволоду Прокопьевичу было на тот момент уже пятьдесят два года.

К этому времени сыновья Всеволода Прокопьевича и его жены Александры Андреевны – Николай и Юрий (Георгий) – окончили Казанский университет, старший уже преподавал на одной из кафедр. Но вот какое дело: видимо, в 1922 или в 1923 году, когда, как писал Ф. И. Шаляпин, «поток добровольно отъезжающих и насильственно высылаемых... «нежелательных лиц» резко усилился», Николай навсегда покинул Россию. Почему? На этот счет мнения пермских учеников профессора В. П. Первушина разноречивы. Один пишет: «Старший был экономистом-международником, много лет работал в советской экономической миссии в Париже. В довоенные годы Всеволод Прокопьевич несколько раз ездил к нему во Францию через Германию». Вторая ученица говорит, что старший сын профессора не принял революцию, не захотел оставаться в советской России и добился разрешения на выезд, назвавшись

**Профессора медицинского факультета ПГУ с группой студентов.
Справа налево: П. И. Пичугин, П. И. Чистяков, А. С. Лебедев, В. Н. Парин,
В. П. Первушин, 1927 г.**

родственником В. И. Ленина и прибегнув к помощи Дмитрия Ильича Ульянова. При этом она ссылалась на интервью в «Комсомольской правде», опубликованном в годы перестройки, но когда – точно сказать не могла.

Где же, в конце концов, правда? Что известно доподлинно, а что может быть принято как допущение? Профессор В. П. Первушин, действительно, уже работая в Перми, дважды выезжал в зарубежные научные командировки: в июле–сентябре 1924 года он был в Берлине, в июле–октябре 1928-го – в Париже. Есть об этом его собственноручная запись в «Личном листке по учету кадров». Хотел ли он увидаться с сыном? Ну, естественно, хотел. Виделся ли? Наверное, виделся, но никому об этом не рассказывал: ни родственникам, ни, тем более, посторонним. Почему-то это была, если судить по некоторым косвенным обстоятельствам, запретная тема. Он

мог поделиться только с женой, матерью, которой никогда больше не довелось увидеть своего старшего сына.

Его жена, Александра Андреевна (в девичестве Залезская), на самом деле была двоюродной сестрой Владимира Ильича Ленина и, следовательно, Дмитрия Ильича Ульянова и их сестер. Они состояли в родстве по материнской линии, то есть Александра Андреевна тоже была внучкой доктора Бланка, жившего некогда в Перми. Таким образом, молодой Николай Первушин, добивавшийся в начале 20-х годов разрешения на выезд из советской России, вполне мог обратиться к своим родственникам – и к Анне Ильиничне, и к Марии Ильиничне, и к Дмитрию Ильичу Ульяновым, поскольку сам Ленин был в то время тяжело болен.

Высказывалась также версия, что Николай покинул родину не только по политическим соображениям, но ещё из-за страстной любви к отъезжавшей иностранке, будто бы француженке. Но версия окажется несостоятельной: Николай к тому времени был человеком женатым и разводиться не собирался. Однако так или иначе, старший сын Всеволода Прокопьевича оказался в эмиграции. И вот это, предположила я, и было одной из серьёзных причин, повлиявших на отказ В. П. Первушина принять высокий пост ректора Пермского государственного университета.

Я уже, было, думала, что никаких новых сведений о старшем сыне В. П. Первушина найти не удастся. К счастью, оказалось, это не так. И в нашем повествовании о нём ещё пойдёт речь, правда, немного позже.

* * *

Теперь рассмотрим ту причину отказа от ректорства, на которую ссылался сам Всеволод Прокопьевич – недостаток времени. Что он имел в виду? При поверхностном взгляде причина эта кажется странной и неубедительной: ведь помимо

своих главных обязанностей невропатолог Первушин всегда охотно брал на себя уйму разнообразных организационных, педагогических, санитарно-просветительских и прочих общественных дел. Так было в Казани, так было и в Перми. И всегда, как бы ни был загружен, справлялся.

Но если взглядеться пристальнее, видишь, что почти все принимаемые им на себя обязанности имели медицинский профиль. Он был очень целеустремлённым. Он понимал, что совмещение должности ректора классического университета с преподаванием сложнейших дисциплин, с заведованием клиникой и ее подразделениями, с ведением общественной работы в интересах медицины – в его жизни нежелательно. У него, накопившего большие знания и опыт, но и разменявшего шестой десяток лет, была серьёзная и сложная задача: поставить дело подготовки научных кадров и врачей-невропатологов в Перми на высший уровень и таким образом обеспечить населению эффективную и широкодоступную неврологическую помощь.

Вступив в заведование нервным отделением Пермской губернской больницы 17 октября 1921 года, он начал осуществление обширной программы по созданию совершенно нового учреждения – учебного, лечебного и научно-исследовательского – университетской клиники нервных болезней. При клинике была сразу же организована амбулатория, через два года – физиотерапевтический кабинет, в 27-м году – водолечебница и второй физиотерапевтический кабинет, появились библиотека, музей, была собрана большая коллекция учебных пособий из специальных приборов, инструментов, рисунков, таблиц, привезённых профессором из-за границы. С 30-х годов при клинике существовала нейропатоморфологическая лаборатория, где многие годы работал врач-лаборант А. А. Неугольников. В 1947 году В. П. Первушин создал ещё и свою клиническую лабораторию. Одновременно все эти годы шла подготовка сотрудников и совершенствование их квалификации.

22 октября 1922 года профессор прочитал первую лекцию на медицинском факультете Пермского университета. Обратимся же к мнению тех, кто слушал его лекции.

Известный пермский хирург профессор А. П. Соколов, окончивший медфак в 1924 году, писал: «Всеволод Прокопьевич имел какой-то врожденный недостаток. Речь его была невнятной, и слушать его было трудно. Приходилось бороться за первые ряды в аудитории. Однако лекции его доставляли удовольствие. Он мастерски разбирал больных, тонко и глубоко проникал в тайны заболевания. Он вызывал восхищение своей эрудицией, сердечностью [по отношению] к больному».

Будущий академик В. В. Парин окончил пермский медфак в 1925 году и много лет спустя тоже вспоминал своего учителя: «Он поражал нас точной топической диагностикой – определением места поражения нервной системы... Всеволод Прокопьевич опередил свое время. Сейчас, в дни огромных успехов нейрохирургии, он стал бы неоценимым консультантом хирургов».

Более тридцати лет разные поколения пермских студентов-медиков изучали «Учение о нервных болезнях с клиникой» – курс, который вел Всеволод Прокопьевич. Кроме того, им были введены необязательный курс «Поликлиника нервных болезней» и обязательный доцентский курс «Физиотерапия».

Постепенно наладилась научная работа клиники с участием ее сотрудников. Профессор «обрастал» помощниками, учениками, единомышленниками. В тематике исследований отражались, прежде всего, научные интересы самого профессора, а они были широки, разнообразны, к тому же отвечали насущным требованиям жизни. В Перми его интересовали, главным образом, специфические нейроинфекции (полиомиелит, весенне-летний клещевой энцефалит), мышечные атрофии, нейросифилис, вопросы нейрохирургии, нейротравматологии (особенно во время Великой Отечественной войны), ликвор, то есть спинномозговая жидкость и ее патология,

Коллектив кафедры нервных болезней в 1930 г. Во 2-м ряду слева направо: А. Г. Сарапулова, Д. Т. Куимов, профессор В. П. Первушин, А. А. Печёркин, Е. А. Балакшина. В 3-м ряду в центре стоит С. П. Швецов

санаторно-курортное дело, физиотерапия и, конечно, влияние алкоголя на нервную систему и борьба с алкоголизмом.

Главным направлением пермской школы невропатологии В. П. Первушина стало исследование клещевого энцефалита, этого очень распространённого на Западном Урале, да и не только здесь, тяжёлого заболевания. Кроме того, сотрудники кафедры изучали поражения нервной системы при авитаминозах (пеллагре), вопросы нейроонкологии.

В Перми (Молотове) в военном 1942 году вышла 60-страничная брошюра профессора В. П. Первушина «Нервная система и ее заболевания», которая стала, по сути, учебником для студентов и руководством для практических врачей. А этой книге предшествовал тщательно в течение многих лет разрабатываемый, изданный годом раньше «План клинического исследования нервной системы» (еще в 1927 году первый вариант его был опубликован в сборнике как «Схема исследования нервнобольных»). Всеволод Прокопьевич огромное значение придавал методике обследования и от всех своих учеников требовал четкости и строгой последовательности в изучении человека и его болезни.

Под его руководством выросли молодые ученые, некоторые из них со временем сами стали докторами медицинских наук, возглавили кафедры невропатологии в разных городах Советского Союза. Это Д. Т. Куимов (сокурсник В. В. Парина), А. А. Печёркин, В. Р. Овечкин, Ю. В. Первушин (младший сын профессора), А. П. Иерусалимский, доцент И. А. Дмитриев. Кроме того, за тридцать лет деятельности В. П. Первушина в Перми были подготовлены 15 ассистентов, десятки ординаторов и врачей, прошедших стажировку и первичную специализацию по невропатологии.

О том, каким был профессор В. П. Первушин в жизни (а жизнь его проходила преимущественно в клинике, которая до войны и после войны располагала девятью койками вместо двадцати в 1921-м), А. П. Иерусалимский рассказы-

вает в книге «Записки старого профессора медицины» (Новосибирск, 2005). Впечатления автора относятся к послевоенным годам (конец 40-х – начало 50-х прошлого столетия), то есть к позднему периоду в деятельности Первушина. И вот что он пишет: «Профессор Первушин Всеволод Прокопьевич был роста небольшого, телосложения довольно грацильного. Продолговатое с высоким лбом лицо венчал короткий ёжик седых волос. Нос маленький, прямой и короткий. Очень коротко остриженные усы и такая же небольшая бородка. Из-под кустистых бровей – очень внимательные серые глаза сквозь продолговатые очки в золотой оправе. Одет всегда очень тщательно. Белоснежная сорочка, гладкий аккуратно завязанный темный галстук. Костюм великолепного пошива, тройка. Зимой – чёрная, весной, осенью – серая. Летом – иногда чесучовая. По жилету – двойной дугой золотая цепочка к карманным золотым часам. Немногословен, доброжелателен, может поворчать, но не зло и недолго. Спокоен, не суетлив. В бытность мою ординатором ему было 78–81 год. Интеллект богатейший. Память и на прошлое, и на текущее – великолепная. Помню, пришла к нему на консультацию женщина средних лет, назвалась. Он посмотрел на нее и говорит: «По-моему, мы с Вами уже встречались году в 1927», – и называет бывшую у нее в ту пору болезнь. Точно! Звонишь ему из клиники с вечернего обхода с докладом, и он спрашивает о состоянии конкретных больных, называя их либо по фамилии, либо по номеру палаты и расположению койки в ней. На обходах, конференциях часто приводил интересные примеры из своей практики, суждения известных ученых. В институте, больнице, у больных пользовался огромным, непререкаемым авторитетом. После разборов сложнейших больных все сотрудники признавали его заключение, которое он выносил, только опросив всех присутствовавших от ординаторов до доцентов (именно в таком порядке)».

Сотрудники кафедры с профессором В. П. Перушиным, 1933 г.

Дополнить образ старого профессора маленькими, но очень выразительными деталями помогла моя встреча с одной из учениц В. П. Перушина – Тамарой Тимофеевной Гончаровой (Варанкиной). Выпускница Пермского (Молотовского) мединститута, она в начале 50-х годов была старшим ординатором клиники нервных болезней.

Вот профессор, рассказывала она, внимательно смотрит на больного (кстати, слово «больной» не произносилось, обращение только по имени-отчеству). Задаёт вопросы, вынимает молоточек... По тому, как человек говорит, по его внешнему виду профессору уже многое ясно. «Был удивительно проницателен».

Во время лекции, продолжает Тамара Тимофеевна, профессор обязательно демонстрировал не менее двух больных. Каждого из них представлял лечащий врач. Самым близким и надёжным помощником профессора стал доцент Сергей Петрович Швецов, работавший на кафедре с 1930 года. Это о нем

**В рабочем кабинете В. П. Первушина.
За столом слева от профессора – С. П. Швецов, Д. Т. Куимов, 1936 г.**

вышедший на пенсию Всеволод Прокопьевич с сожалением писал Д. Т. Куимову: «С. П. Швецов – знающий, но застрял с докторской диссертацией (тема военная, оказалась разработанной не по современному направлению)».

В памяти Тамары Тимофеевны до сих пор живы события на кафедре и в клинике (тогда они уже были административно разведены: кафедра принадлежала, как и сейчас, вузу, отделение нервных болезней – областной больнице, но при жизни Всеволода Прокопьевича фактически оставались единым целым). Авторитет профессора в глазах всех безукоризненно высок, хотя говорит он мало и совсем не вмешивается, как бы сейчас сказали, в межличностные отношения. Но всё видит и замечает. Есть среди сотрудников кафедры ассистент-женщина, знающая, активная, но прямо-таки со стервозным характером, любит шпынять и подкалывать коллег, в том числе достаётся и Тамаре Тимофеевне. И вот после очередного инцидента вечером в общежитии её зовут к телефону. «Как Вы себя чув-

ствуете? – спрашивает профессор. – Не мёрзнете? А из продуктов что-то есть?» Время-то послевоенное, еще голодное. И он тревожится, зная, что она сегодня обижена и переживает.

Еще эпизод. «Однажды я сижу у него в кабинете, – вспоминает Тамара Тимофеевна, – мы разговариваем. Всеволод Прокопьевич вдруг говорит: «Как душно! Всё еще топят!» И я вскакиваю, чтобы открыть форточку. «Нет, нет! – восклицает профессор. – Сидите!» И открывает сам, хотя форточка высоко и надо подниматься. А ему уже за восемьдесят! Вот таким был – джентльменом».

И рассказывает дальше: «На праздники собирал всех вместе – сотрудников кафедры, врачей больницы, сестёр и санитарок. А когда принимали на работу новенькую санитарку, он непременно беседовал с ней сам, хотя это не входило в его обязанности. Расспрашивал, как ведет свой дом, знает ли, что ей придется ухаживать за лежачими больными – каждый день перестилать постель или встряхивать простыню, как при этом не потревожить больного. Я сначала думала, что это лишнее, а потом поняла: именно так и надо. Ведь сколько еще бескультурья, невежества!».

До сих пор на кафедре неврологии хранится написанный профессором Первушиным трогательный, совсем не казённый документ: «Мой наказ няням и сёстрам». Он состоит из четырнадцати, казалось бы, очень простых советов, но важных, как это ни странно, и сейчас, в начале XXI века: ведь мы и теперь порой наблюдаем, что даже не каждый врач вежлив с пациентами и далеко не каждый моет руки перед осмотром больного. Начинается «Наказ» с главного: «Больному – всё ваше внимание, уход, помощь, ласку и заботливость». Примером такого отношения к людям был сам профессор. Недаром пациенты его любили, а сослуживцы за глаза называли: «Vater» (отец по-немецки).

При нём и его сотрудниках на кафедре и в клинике (позже ставшей отделением областной больницы, заведовала которым

Всесоюзный съезд невропатологов и психиатров, участником которого был профессор В. П. Первушин. Москва, 26 декабря 1936 г.

Е. Е. Голофастова) поддерживался исключительный порядок. Но профессор Первушин был таким человеком, что больницей и вузом его деятельность никогда не ограничивалась. Он любил город и не хотел мириться с грязью на его улицах, с отсутствием благоустройства. Между тем, Пермь очень долго оставалась не таким уж большим населённым пунктом. Несколько лет она имела статус всего лишь окружного, а в 1930–1932 годах – даже районного центра. И вид у нее был заброшенный, прямо сказать, плачевный. Иллюстрацией этого могут служить объявления в газете «Звезда».

2 февраля 1932 года: «Коза потерялась: белая, рогатая. Большевистская, 56, кв. 5». И тут же: «Утерян лаковый мужской полуботинок в августе м-це. Нашедшего прошу доставить за вознаграждение: Красноуфимская ул., № 26, часовому мастеру».

16-июля того же года: «Потерялась корова... ул. Университетская».

5 сентября: «Потерялись гуси, 2 белых и 2 серых. Сообщить: Егошихинский пос.».

Как видим, даже на центральных улицах паслись козы, коровы, бродили свиньи и стада гусей. Весной и осенью, а в дожди и летом горожане с трудом передвигались по размокшей глине, оставляя в лужах галоши и туфли. А пьяниц в городе всегда было много. И всё это с тоской, грустью и возмущением наблюдал Всеволод Прокопьевич и не молчал. Как депутат горсовета, говорил об этом на заседаниях, вносил предложения, участвовал в проверках. Как постоянный на протяжении многих лет нештатный корреспондент «Звезды», писал в газету. Впрочем, вопросами благоустройства его участие в «Звезде» не ограничивалось. Газета охотно публиковала статьи и заметки профессора Первушина о работе общества невропатологов и психиатров, где он был бессменным председателем, о необходимости использовать природные ресурсы края для развития санаторно-курортного дела, просветительские беседы о вреде алкоголизма. Таким образом, к огромному количеству его специальных научных работ можно добавить десятки, если не сотни, научно-популярных и критических корреспонденций, рассчитанных на широкий круг читателей.

Не могу не сказать ещё об одной грани его обширнейшей деятельности. Начав писать о пермских профессорах-медиках, я сразу же наткнулась в архиве на материалы по истории областной, бывшей Александровской, больницы, собранные Всеволодом Прокопьевичем. Оказалось, что в 30-х годах, когда отмечалось столетие главного лечебного учреждения на-

**100-летие I Пермской клинической больницы
(ныне Пермская краевая клиническая больница), 1937 г.
1-й ряд (слева направо): профессора П. Л. Гузиков, К. Л. Голшмид,
П. И. Чистяков, В. П. Первушин, доцент П. П. Сумбаев, (?),
профессора А. С. Лебедев, В. Н. Парин. 2-й ряд (слева направо): доценты
А. А. Яковлев, В. К. Модестов, П. А. Ясницкий, (?), Б. В. Парин, Леонтьев.**

шего края, именно профессор Первушин возглавлял юбилейную комиссию. И он сам собирал сведения об ученых, первых руководителях медицинских кафедр и университетских клиник, уточнял даты рождения, записывал о каждом, откуда приехал. По этим материалам была издана брошюра.

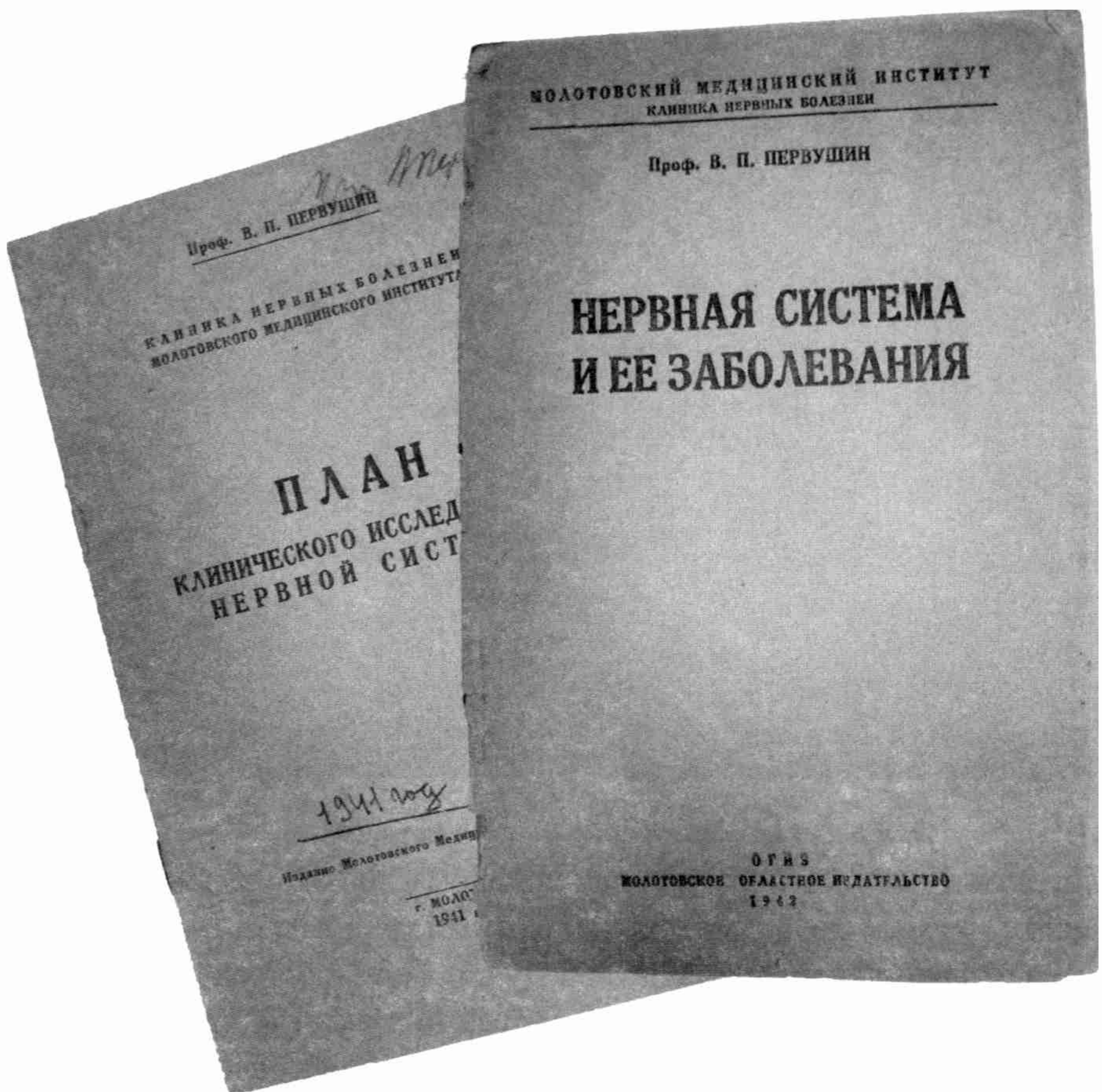
Однако, всю жизнь, тем более такую содержательную и богатую на события, как у профессора В. П. Первушина, не расскажешь. Скажу только, что Пермь уважала этого невысокого, щупленького, ходившего мелкими шажками, имевшего седой ёжик на голове и невнятную дикцию профессора. Уважала за глубокие знания, за доброту к людям, за неуёмную энергию и потрясающее трудолюбие, за скромность и интел-

Профессор В. П. Перушин
в годы Великой Отечественной войны.

лигентность. Он был награждён орденом «Знак Почёта» и орденом Ленина, медалями «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны» и «За Победу над Германией». А сколько почётных грамот и благодарностей получил! И надо сказать, что если награждалось сразу несколько самых видных профессоров-медиков, то неизменно имя В. П. Перушина стояло первым. Его признавала не только Пермь – он был одним из выдающихся невропатологов Советского Союза. И когда отмечались его юбилеи, приходило множество телеграмм из Москвы, Ленинграда, Казани, Киева, Харькова, Минска, Риги... И даже (в 1934 г.) из Франции, от парижского коллеги профессора-невропатолога Ж. Гиллэна.

Правда, в конце 40-х – начале 50-х годов, во времена «холодной» войны и борьбы с космополитизмом, отношение начальства к В. П. Перушину тоже вдруг «похолодало». В январе 1954 года он писал Д. Т. Куимову: «Сборник, мне посвящённый в связи с 45-летием (научно-педагогической и лечеб-

Научные труды В. П. Первушина, изданные в Перми в начале 1940-х гг.

ной деятельности – Л. М.), так и не вышел (его «загубил» Сумбаев – директор), а были статьи для него и местные, и с Кавказа, и даже одна из Берлина». Между тем, это был последний год жизни замечательного врача и учёного.

* * *

Однако я всё время помню обещание вернуться к судьбе старшего сына Всеволода Прокопьевича – Николая Всеволо-

довича Первушина. Попытки что-либо разузнать о нём долго ни к чему не приводили, пока один мой товарищ, отличающийся поразительной памятью, не сказал: «Знаешь, о каком-то Первушине писал Василий Аксёнов», – и принёс книгу об Америке «В поисках грустного бэби» (М., 1991). Открываю 251-ю страницу, и вот оно:

«Через неделю после приезда (в Вермонт – Л. М.) мы получили приглашение на Фестиваль русского искусства в Норвич. Почётный директор русской школы в Норвиче – один из её основателей, профессор Монреальского университета Николай Всеволодович Первушин. Ему восемьдесят четыре года, он бодр, доброжелателен и любознателен. Если бы мне предложили угадать происхождение этого человека по внешности, я, наверное, не долго бы думал, прежде чем сказать: Казанский университет. Гадать не приходится, он оттуда и происходит, то есть мы с ним оказались двойными, если не тройными земляками. Самое замечательное, однако, заключалось в том, что Николай Всеволодович был преподавателем моей покойной матери в Казанском университете, он и называет её до сих пор Женей Гинзбург».

Описываемые события относились к середине 1980-х годов. Но это всё! Кроме одного абзаца о Николае Первушине в книге ничего нет.

Да ведь недаром говорят: лиха беда начало. И вот моя дочь находит в Интернете сайт Монреальского университета и сообщает новые для меня сведения: Николай Всеволодович Первушин (годы жизни 1899–1993) значится там как русский эмигрант, журналист, переводчик, интерпретатор русской литературы, профессор, автор исследовательских работ, в частности, о творчестве Тургенева, Достоевского. В год его смерти департамент (кафедра) славянских языков и литературы Монреальского университета выпустил несколько брошюр, статьи в которых посвящены уже ему самому – Н. В. Первушину. И пишет о нём тот же самый автор (коллега? ученик?), Глеб Зе-

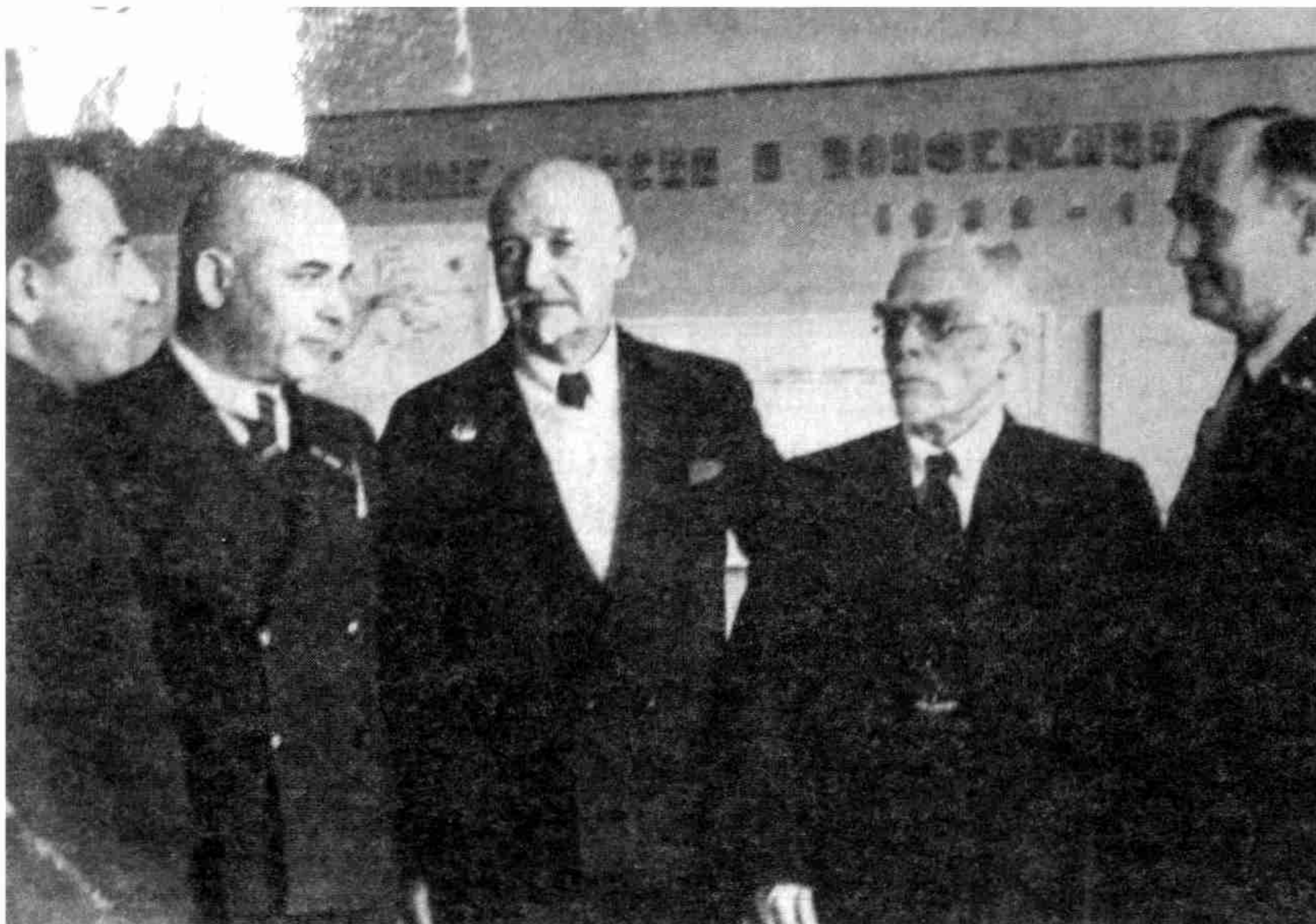

**В. П. Первушин (сидит в центре) среди своих сотрудников.
1-й справа стоит А. А. Неугодинов, 1947 г.**

кулин, кто в других своих работах рассматривает жизнь и творчество А. И. Солженицына. Ну да, там всё близко, по соседству, хотя и в разных странах: штат Вермонт, где жил Александр Исаевич и где в Норвиче была (к сожалению, её уже нет) Русская школа, – в США, а Монреаль – в Канаде. Но, если один и тот же человек знал обоих, может быть, и они – А. И. Солженицын и Н. В. Первушин – тоже были знакомы? Интересно бы, конечно, разведать, но это уже другая тема.

Продолжаю поиски. Нахожу старые книги о родственниках В. И. Ленина в Прикамье, Поволжье, обнаруживаю и новую книгу 2005 года издания, – о его родословной и потомках. А среди потомков – ура! – тот самый человек, загадку жизни которого я пытаюсь разгадать, – Николай Всеволодович Первушин.

Да, он, действительно, давал интервью корреспонденту «Комсомолки» П. Веденяпину, рассказав о себе в 1991 году, незадолго до смерти. Автор книги «Ульяновы и Ленины. Се-

**Встреча коллег-невропатологов: профессора Д. Г. Шефер,
П. О. Эмдин, В. П. Первушин, 1947 г.**

мейные тайны» М. Г. Штейн опирается на эту публикацию, но кое-что уточняет по Биографической хронике В. И. Ленина и другим источникам. В результате выясняется вот что.

В Казани Николай Первушин окончил вначале коммерческое училище, а затем юридический факультет и, кроме того, изучал экономику, литературу, историю. Октябрьскую революцию он не принял, но антисоветской деятельностью не занимался. Однако студенты физико-математического факультета братья Распоповы сочли его своим единомышленником и включили в список группы лиц, готовых бороться с властью большевиков, хотя Николай от их предложения вступить в группу отказался. На основании этого списка, попавшего в Казанскую губчека, 26 февраля 1920 года Николая и его младшего брата Юрия арестовали. Время было суровое, нависла угроза смертного приговора.

Юрию «повезло»: он заболел сыпным тифом, его отправили в больницу и больше к вопросу об его аресте не возвращались. А Николая надо было срочно спасать. Мать Александра Андреевна Первушина на третий день после ареста даёт телеграмму Анне Ильиничне Елизаровой-Ульяновой и Марии Ильиничне Ульяновой, своим двоюродным сёстрам. Утром 6 марта 1920 года с телеграммой А. А. Первушиной знакомится Владимир Ильич. «И немедленно (до 12 час. 30 мин.) даёт телеграмму в Казанскую губчека с копией в губкомпарт РКП и А. А. Первушиной, в которой просит телеграфно сообщить причины ареста преподавателя факультета общественных наук Н. В. Первушина и заключение губчека. Одновременно спрашивает, нельзя ли освободить Н. В. Первушина «под поручительство нескольких коммунистов, коих укажет его мать Залежская-Первушина», – пишет М. Г. Штейн.

11 марта председатель Казанской губчека Г. М. Иванов сообщает, что задержанный по подозрению в участии в белогвардейской организации Н. В. Первушин «после установления его в непричастности к этой организации 3 марта освобождён из-под стражи». Как вспоминал сам Николай Всеволодович, на самом деле он просидел в Казанской губчека два месяца.

В конце жизни Н. В. Первушин скажет, что родство с Лениным спасло его от ранней смерти, однако это не примирило его с убеждениями двоюродного дяди. После возвращения из тюрьмы он принимает решение уехать за границу.

Весьма кстати он получает приглашение прочитать трёхмесячный курс лекций в Берлинском университете. Но начальник Казанской губчека Г. М. Иванов ставит условие: заграничный паспорт выдадут, если будет поручительство Ульянова. Анна Ильинична, к которой обратился Николай, просит помощи Дмитрия Ильича (В. И. Ленин в то время был болен). И тот посылает в Казань телеграмму с поручительством, подписавшись «Ульянов», без инициалов. Так Николай Первушин в 1923 году получает возможность выехать в Берлин, где не

**Сотрудники кафедры и отделения нервных болезней.
В центре – профессор В. П. Первушин,
слева от него первая заведующая отделением Е. Е. Голофастова, 1950 г.**

только читает лекции, но работает также в советском торгпредстве и одновременно собирает материалы для книги «Германские концерны и организация промышленного производства» (издана в Москве в 1927 году). Его беременная жена из Казани приезжает к нему по официальному вызову.

В 1926 году, читаем дальше, Советское правительство направляет Н. В. Первушина на работу в Париж, в аппарат главного уполномоченного Нефтесиндиката. А в начале 1930 года ему предписано вернуться в Москву.

– Были уже сталинские времена, и я понял, что подобный вызов – не более чем уловка, – сказал Николай Всеволодович в 1991 году корреспонденту «Комсомолки». – Человека, прожившего столько лет за границей, в покое не оставят. И я стал невозвращенцем. Это было трудное решение – в России оставались отец, брат. К счастью, они не пострадали.

Врачи, проходившие специализацию на кафедре нервных болезней, считали за честь сфотографироваться с профессором. Начало 1950-х гг.

Не эмигрантом, а невозвращенцем называет его и автор книги М. Г. Штейн.

В США Н. В. Первушин переехал после Второй мировой войны, выдержав экзамен на переводчика Организации Объединённых Наций. «Многие дипломаты и сотрудники ООН обязаны Первушину знанием русского языка», который он им преподавал.

В тот день, когда во время выступления в ООН министра иностранных дел франкистской Испании, Н. С. Хрущёв в знак протеста стучал ботинком по столу, а было это 11 октября 1960 года, Н. В. Первушин вёл синхронный перевод на русский язык. Никита Сергеевич остался переводом очень доволен, пригласил переводчика к себе и даже обнял на прощанье, так и не узнав при этом, что обнимает заграничного родственника Ленина.

С середины 1960-х годов Н. В. Первушин вновь занялся научной и педагогической работой. В 1975 году ему была присвоена степень доктора гуманитарных наук Норвичского уни-

Профессор Всеволод
Прокопьевич Первушин, 1950 г.

верситета. В университетах Оттавы и Монреаля он был удостоен звания профессора. Н. В. Первушин – один из организаторов Международного общества по изучению жизни и творчества Ф. М. Достоевского, автор книг по русской литературе и истории. Его последняя книга, вышедшая в 1989 году, называется «Между Лениным и Горбачёвым. Мемуары родственника и критика Ленина».

В Америке живёт дочь Николая Всеволодовича Первушина, двое внуков и двое правнуков. Ему довелось побывать во многих странах мира. Кроме родной России.

* * *

Пермский профессор Всеволод Прокопьевич Первушин до конца жизни (он умер 21 декабря 1954 года) ничего не знал

Медперсонал отделения нервных болезней.

В 1-м ряду – сотрудники кафедры: Е. А. Балакшина, Т. Т. Гончарова (Варанкина), С. П. Швецов, профессор В. П. Первушин, заведующая отделением Е. Е. Голофастова, Т. Ф. Рэнне, Г. П. Серебренникова, 1952 г.

о судьбе старшего сына: «железный занавес» наглухо разделял в те времена два мира. Я думаю, что они с женой продолжали любить Николая и мысленно желали ему счастья, глубоко спрятав от посторонних глаз свои переживания. Старому профессору оставалось гордиться лишь теми потомками, кто никуда не уезжал из страны. Его младший сын Юрий Всеволодович, профессор, до войны возглавлял кафедру нервных болезней Астраханского мединститута. К сожалению, болезнь горла заставила его вернуться в Пермь, он работал здесь консультантом в госпитале инвалидов Великой Отечественной войны. И его сын Владислав тоже пошёл в медицину. В письме к Д. Т. Куимову, которое здесь уже цитировалось, есть приписка на полях: «Мой внук – к. м. н. – с 2. IV. 1953 г. работает в Военно-морской Медицинской Академии, Владислав Юрьевич, его сын тоже

Юрий». Более поздние сведения приводит А. П. Иерусалимский: Владислав Юрьевич, избрав специальностью нормальную анатомию и став профессором, какое-то время был ректором Кемеровского медицинского института. Так, мы видим, образовалась целая династия ученых медиков Первушиных.

Нет никаких сомнений, что основатель кафедры и клиники нервных болезней в нашем городе, деятельный участник создания и развития Пермского государственного университета и Пермского медицинского института Всеволод Прокопьевич Первушин заслуживает, чтобы его память была увековечена. Но как? Дома, в которых он жил, либо не сохранились, либо доживают последние дни. Здание клиники, где работал, совсем недавно из-за ветхости частично снесено – мемориальную доску не повесишь. Ещё в советские годы поступило предложение назвать его именем кафедру нервных болезней, которое власти отклонили. Оказывается, тем, «кому надо», всё-таки было известно, что сын остался за границей. Выходит, правильно сделал профессор, не согласившись быть ректором. Уж ректору-то рано или поздно припомнили бы, кто враг народа.

Но теперь мы давно уже смотрим на мир и на людей, живущих в этом противоречивом и, тем не менее, едином мире, во многом по-другому. У большинства как бы открылись глаза: ведь если наш соотечественник на чужбине стал признанным специалистом, профессором, пропагандистом великой русской литературы, основателем Русской школы, не вправе ли и мы признать его заслуги? В таком случае, есть ли препятствия, мешающие присвоить кафедре неврологии Пермской медакадемии имя отца этого учёного – В. П. Первушина? Да никаких.

И сама кафедра – её возглавляет сейчас Заслуженный деятель науки РФ, профессор Александр Алексеевич Шутов, – безусловно, достойна носить имя своего основателя. Традиции, заложенные Всеволодом Прокопьевичем, святы и для нынешних поколений учёных и преподавателей. Коллектив

**Один из последних фотопортретов профессора
Всеволода Прокопьевича Перушина.**

кафедры, и это главное, по-прежнему работает в тесном единстве с коллективом неврологической клиники. Доктора и кандидаты наук, ассистенты и врачи-ординаторы сочетают учебную деятельность с лечебной и научной. Идёт исследование таких явлений, как инсульт, головные боли, рассеянный скле-

Николай Всеволодович Перушин, сын В. П. Перушина, двоюродный племянник В. И. Ленина, руководитель группы переводчиков ООН, доктор гуманитарных наук Норвичского университета (США), профессор университетов Оттавы и Монреаля (Канада).

роз, деменция (слабоумие), эпилепсия, паркинсонизм и другие. Исключительное значение, как и раньше, придаётся росту кадров, начиная с занятий в СНО (студенческом научном обществе).

Что особенно радует, здесь бережно сохраняют память о Всеволоде Прокопьевиче Перушине, о тех, кто работал с ним и после него. Старые фотографии, брошюры, письма, записки, перечень научных работ и прочие документы аккуратно, чтобы не повредить, внесены в огромный альбом, ценность которого со временем только возрастает. Кафедра, а ей уже не так далеко до 90-летия, уважительно относится к своей истории. И эту традицию тоже заложил первый профессор.

Здание по ул. Луначарского, 97, где до 2006 г. располагалось отделение нервных болезней Пермской областной больницы, и где до настоящего времени находится кафедра неврологии Пермской медицинской академии. Фото 2008 г.

Увлечённый сложнейшей наукой и искусством врачевания, наш земляк Всеволод Прокопьевич Первушин «незаметно» прослужил в медицине... 57(!) лет – преданно, честно, талантливо! Его имя не должно быть забыто, как не забыто в Америке в Монреальском университете имя другого профессора – Николая Всеволодовича Первушина.

P.S. Так я закончила свой очерк, и он в сокращённом виде под заголовком «Два профессора: Казань–Пермь–Норвич» был опубликован в пермском историко-архивном журнале «Ретроспектива» (2008, № 4). А через некоторое, совсем непродолжительное время получила известие о том, что

**Коллектив кафедры неврологии имени профессора В. П. Перушина
лечебного факультета ПГМА.**

**1-й ряд (слева направо): доктор медицинских наук Т. В. Байдина,
заведующий кафедрой, профессор А. А. Шутов, доцент Л. В. Пустоханова,
доцент А. В. Зотов, аспирант М. А. Данилова;**

**2-й ряд (слева направо): аспирант О. В. Быстрова,
ассистент Н. В. Селянина, доктор медицинских наук Ю. В. Каракулова,
кандидат медицинских наук Н. Д. Демчук, аспирант Т. Н. Трушниковая,
кандидат медицинских наук К. Ф. Иззати-заде. Фото 2008 г.**

Учёный совет Пермской государственной медицинской академии на заседании 15 октября 2008 года принял единогласное решение: присвоить кафедре нервных болезней лечебного факультета имя её основателя и первого руководителя профессора Всеволода Прокопьевича Перушина, о чём я с большой радостью и сообщаю читателям.

ИСТОЧНИКИ

ГАПО. Ф. 1117. Оп. 1. Д. 12.

Там же. Ф. р-72. Оп. 1. Д. 36. Л. 127.

Архив ПГМА. Автобиографические материалы В. П. Первушина.

Архив кафедры неврологии ПГМА.

Первушин В. П. Отчёт по больнице Казанского общества трезвости для алкоголиков за 1902 год. – Казань, 1903.

Первушин В. П. Больница Казанского общества трезвости для алкоголиков в течение 1903 года (8-й год существования). – Казань, 1904.

Первушин В. П. К вопросу о борьбе с массовым алкоголизмом. – Казань, 1916.

Первушин В. Клиника нервных болезней//Звезда, 1928, 1 февраля.

XXXX лет научно-врачебной, педагогической и общественной деятельности профессора В. П. Первушина//Медик Урала, 1934, 17 декабря.

Визен Э. М. Памяти В. П. Первушина//Журнал невропатологии и психиатрии имени С. С. Корсакова. – Медгиз, 1955. – С. 319–320.

Соколов А. П. Мои студенческие годы (К истории Пермского медицинского института). 1975. – Рукопись.

Аксёнов В. В поисках грустного бэби. Книга об Америке. – М.: Изд-во МАИ, 1991. – С.251.

Веденяпин П. Я от Владимира Ильича. Племянник Ленина живёт в Канаде//Комсомольская правда, 1991, 17 октября.

Николаев С. Ф. Профессор Первушин//Звезда, 1997, 19 августа.

Иерусалимский А. П. Записки старого профессора медицины. – Новосибирск, 2005. – С. 24–25, 33.

Штейн М. Г. Ульяновы и Ленины. Семейные тайны. – С.-Петербург, 2005. – С. 135–139.

Гончарова (Варанкина) Т. Т. Воспоминания. Запись на диктофон Л. В. Мишлановой. 2007. – Архив автора.

Протокол № 3 заседания Учёного совета ГОУ ВПО «Пермская государственная медицинская академия имени академика Е. А. Вагнера Минздрава РФ». 15. 10. 2008. п. 7. «О присвоении кафедре неврологии лечебного факультета имени профессора В. П. Первушина»